

8. Мардахаев Л.В. Социальная педагогика: Учебник. — М.: Гардарики, 2005. — 269 с.
9. Белинская, А. Б. Деонтология социальной работы : учебник для среднего профессионального образования / А. Б. Белинская. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — 181 с.
10. Панкеев И.А. Деонтология журналистики как отражение связей ценностей общества и профессиональных журналистских ценностей // Массмедиа и ценностные отношения общества. М., 2013. С. 231-239
11. Саенко Л.А., Химич Ж.Г., Наволокин И.И. Ценностное отношение к профессиональной деятельности как проявление патриотизма // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. — 2022. № 3 (90). — С.217-221.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ В РОМАНЕ А. ИЛИЧЕВСКОГО «ИСЛАНДИЯ» (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА ПУСТЫНИ)

Л.С. Сидоренко

Научный руководитель Л.Г. Тютелова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Пустыня, пустошь, Оптина Пустынь – это религиозное пространство. В переписке с М. М. Бахтиным В. Н. Турбин пишет об идее зрительного воплощения незавершенного цикла пушкинских трагедий, где «крупным планом – каменистая пустыня, жесткая трава», а в центре человек и от него «падает тень – крест» [Из переписки М.М. Бахтина с В.Н. Турбиным 2005 : Письмо 18 от 16.06.63]. И не только у Пушкина образ пустыни связан с темой одиночества и духовными поисками героя. В этом нас убеждает романистика А. Иличевского.

Александр Иличевский – современный русскоязычный писатель, поэт, прозаик, эссеист, автор более 35 книг, 13 из которых романы. Он лауреат литературных премий «Русский Букер» за роман «Матисс» в 2007 году, «Чертеж Ньютона» в 2019 и премии «Большая книга» за роман «Перс» в 2010.

В его романе «Исландия» пустынные пространства позволяют персонажу погрузиться в воспоминания, читателю – открыть внутренний мир героя. Пустое пространство статично, оно мало изменяется в течение тысячелетий, и герой видит в нем воплощенную вечность. В герое «Исландии» Михаиле много общего с автором: оба родились в районе бакинских нефтепромыслов, где прошло детство, учились в Москве, путешествовали по миру в поисках семейных родственных связей и себя, участвовали не только в научных, но и литературных симпозиумах. Странствия по миру привели их в Иерусалим.

В начале романа «Исландия» герой оказывается перед выбором: или карьера литератора с массой публичных встреч, мероприятий, или жизнь вблизи Иудейской пустыни. Она притягивает к себе как место свершения Библейской истории.

Михаил вспоминает семейную историю: от бабушки Симы и прадеда Иосифа Розенбаума до своего недавнего прошлого – и делает выбор: устраивается на работу геодезистом, остается жить в Иерусалиме на улице под названием «Исландия», напоминающем о стране, которая одной из первых признала молодое государство Израиль.

Это непростой выбор: Михаил за небольшую плату отдает часть ресурсов своего мозга для исследований. Ему вживляют пластину, особое свойство которой в появлении в сознании человека воспоминаний других людей. Эксперимент влияет на память: герой не может отличить чужие воспоминания от собственных. Это ключевой момент в истории

Михаила: он не жаждет славы, богатства, не бежит от себя, не ищет любви женщин, он стремится понять мир, в том числе через прошлое – свое и другого.

Герой живет на ферме на краю пустыни, проектирует дорогу и планирует ее строительство по наиболее оптимальному маршруту. Небольшой круг людей и малонаселенность пространства формируют особую среду вокруг него. Он жаждет этого безлюдья для погружения в собственные мысли о смысле человеческой жизни, бренности всего земного, малоизменяемости пейзажа с библейских времен.

В более раннем романе Иличевского «Перс» герои-странники бегут от Гражданской войны в пустыню, которая лежит на пути в Иерусалим. Ширван – пустынная местность в приграничье Азербайджана и Ирана, своеобразные «ворота в рай». Рай в интерпретации автора всегда многозначен. Во-первых, это природная особенность иранских субтропиков Закавказья, основанная на контрасте климата по сравнению с пустыней и степью Ширвана. Во-вторых, это древний путь в Палестину. Во времена Российской империи сюда ссылали религиозных ссыльных: молокан, субботников, герцов, духоборов, которые грезил о странничестве в Иерусалим к религиозным святыням.

«Здесь пограничье всегда было особенным. Зажатая между горами и морем, эта полоска империи находилась в особом состоянии — напряженном и возгонном одновременно, как жидкость у поверхности находится в состоянии постоянного возмущения испаряемыми потоками и осадками — и вдобавок стянута незаметным, но мощным поверхностным натяжением. Здесь жили сосланные сектанты — молокане, субботники, герцы, духоборы; с ними жили и добровольные изгои, по призыву братьев прибегшие к убежищу тучной отдаленности. Жили они тут будто на выданье, грезя об Иерусалиме за горами, и многие уходили, пройдя райскими устами Мазендерана в материнскую утробу» [Иличевский, «Перс», с. 409].

Отказ от обыденного и повседневного в пользу духовного, поиск смысла бытия Иличевский показывает как побег в пространстве. С берегов Каспия, через пески, через города – в пустыню, где ощущается связь этого пространства со временем Христа и его жизненным путем.

В центре пустыни у Иличевского возникает образ монастырской обители.

«Мар Саба — монастырь в Иудейской пустыне в среднем течении Кедрона, основанный аввой Саввой в году, живёт по византийскому времени, отсчитывая полночь от захода солнца, без электричества и телефонной связи» [6 Иличевский, 169].

В библиотеке Мар Сабу хранятся древние рукописи, тайные Евангелия, списки. Это древние свидетельства о событиях более чем двухтысячелетней истории человечества.

Монастырь с его постоянством у Иличевского становится антитезой города. Правда, не всякого. В романе созданы образы разных городов: Москвы, Берлина, Лос-Анджелеса, Сан-Франциско, Тель-Авива, Кракова.

Берлин и Краков по-особому пусты, в них жива фантомная боль памяти о жертвах Второй мировой войны, о замученных в фашистских лагерях миллионах евреев. Москва и города Апшеронского полуострова (Сумгаит, Баку) – это пространство, где проходит детство героя и его взросление. Сан-Франциско, Новый Орлеан, Лос-Анджелес – место жизни предков: прадед эмигрировал в США в начале XX века.

Иерусалим же занимает особое место среди городских образов романа «Исландия»:

«Иерусалим — столица этой эпохи Екклесиаста, город-призрак, о величии которого грезит половина мира и ничего не делает для его, величия, реального воплощения. Иерусалим — единственный город, чья физическая природа отстоит от его слепка в культуре настолько, что в сравнении со своим образом он видится только грудой камней, беспорядочно разбросанных по Иудейским горам. (...) Парижу, Лондону и прочим совершенно безразлично, что происходит в той области, без жертвенного бытия которой не существовало бы их собственной истории. Иерусалим небесный — дополнение Иерусалима земного, а не его замена» [6 Иличевский, 77].

В отличие от других городских пространств, пространство Иерусалима «полифонично» благодаря множеству неслиянных голосов.

«Иерусалим полон сект на любой вкус, и мне это нравилось — такое полифоническое устройство города» [6 Иличевский, 58].

И в отличие от города, пустыня молчит. Вера и духовность приближают человека к небесному началу, Творцу и истинному смыслу земного существования.

«Отсвет пламени плыл в темноте, а потёмки в пустыне особенные, словно ступаешь по груди в созвездиях, особенная в ней и тишина: в безветрии так тихо, что слышно, как тлеет зола» [6 Иличевский, 172].

«Пустыня простиралась то по лицу, то по груди, то исчезала, и я шёл сквозь миражи. Теперь у меня была дыра в том месте, где мой крик оборвался. Всё то время, что я ходил, сердце моё изливалось из этой дыры. «Сердце невелико, но священно, — сказал я себе, — я спасу его». И заткнул дыру песком и камнями» [6 Иличевский, 193]

Но в пустыне есть и звуки: это колокольный звон монастырских храмов:

«Сегодня в монастыре звучал колокол — мерно, широко, звук лился поверх иерусалимских холмов, над ними проступали звёзды. В монастыре фрески глубоко синие, как небо в тот час» [6 Иличевский, 298].

Пустыня в принципе живая, она может кричать:

«Ветер поднимался, пустыня кричала. Я смотрел на пот и слёзы, сбегавшие по лицу пустыни» [6 Иличевский, 194].

А это значит, что тишина пустыни — это молчание, которое сродни исихазму:

«Исихазм — понятие, использовавшееся в Восточной церкви с древности. В раннюю византийскую эпоху исихазм означал вообще отшельничество — одинокий подвиг пустынника.

В позднюю византийскую эпоху исихастами назывались монахи, посвятившие себя абсолютной тиши, священному покою, внутреннему духовному сосредоточению, непрестанной «умной» молитве, «внутреннему деланию». Этого рода подвиги приводили в особое состояние, связанное с неизъяснимым блаженством, зрением некоего небесного света, нездешнего, несотворенного, подобного свету, озарившему Спасителя на Фаворской горе». [<https://azbyka.ru/isixazm>].

Пространство пустыни у Иличевского концептуально выстроено на противопоставлении внешнего пустого места и внутреннего мира, наполненного воспоминаниями. Пустое пространство выступает антитезой городского ландшафта, как например, в романе «Чертеж Ньютона» [Тютелова, Сидоренко: 2023]. В романе «Исландия» эта антитеза обозначается так:

«В насыщенном пространстве, например в городе, появление нового предмета — обыденность, в то время как в пустыне это большое событие, особенно если объект несёт в себе некоторую опасность. Большая ящерица, змея, паук, даже птица над пустыней — происшествие. А если вам повстречается человек, то это настоящее потрясение, потому что не принять его, человека, за призрак невозможно, настолько пустыня умяет человечность как таковую» [6 Иличевский, 191].

«в пустыне есть то, чего нет в городе, — говорю я. — Чем больше народу, тем меньше Бога» [6 Иличевский, 160].

Приведенные примеры позволяют нам сделать выводы о различной природе события в разномасштабных пространствах: чем обширнее окружающее пространство и чем менее оно связано с людьми, тем присутствие живого в этом пространстве более значимо и ценно. События на фоне рутинности работы и жизни на ферме теряют динамичность и происходят реже, поэтому обладают большим значением.

Поиск смысла жизни ведет странник, каковым и становится герой Иличевского:

«Я отвернулся, ушёл и год ходил нагим и босым. Этот год всю ночь Млечная плетъ блуждала в небе одна. В течение года я ходил в долине видения. Одетый в песок, я пересёк

пустыню из конца в конец и через четыре времени года. Солнце было ледяным, ласковым, смертельным, горячим» [6 Иличевский, 193].

Герой Иличевского не просто странник. Автор стремится приблизить его к образам библейских времен. Поэтому Михаила сопровождает осел Бен-Гур. Недалеко от фермы, на которой обитает герой, расположено хозяйство по разведению ослиной породы с белым цветом шерсти. Образ белой ослицы связан с образом Христа, въезжающего верхом на животном в Иерусалим:

«я решил прозвать ослика Бен-Гур, «сын льва». Так я решил потому, что вначале ослик ходил за мной по пустыне, затем я стал ходить за ним сам, осознав, что усталый Бен-Гур выбирает самые экономные траектории между холмов, и я решил, что оптимальное направление для дорожной разведки — найти путь наименьшего сопротивления» [6 Иличевский, 164].

Тема проводников через пески Иудеи приобретает в романе метафизическое звучание не только благодаря образу ослика, но и благодаря легенде о голубой верблюдице. История «голубой верблюдицы» связана с поисками настоящего счастья. Она рассказывает об особой породе, которая отличается высоким интеллектом и способностями ориентироваться в пустыне. Для нее создается «верблюжий рай», и с ней обращаются как с принцессой. Животное запоминает место, где ему хорошо, и это свойство используют бедуины-контрабандисты: они переводят её через границу и устраивают «верблюжий ад»: подолгу не кормят, не поят. Это вызывает у животного желание вернуться в свой земной рай. И тогда её нагружают контрабандными товарами и отпускают в пустыню. Удивительные свойства породы и память о «потерянном рае» помогает животному найти путь в пустыне и вернуться. Легенда – это метафора человеческих поисков рая на земле. Для верблюдицы обретение счастья и возвращение в место, где тебя холят и лелеют, связано со страданиями, болью, блужданиями в одиночку в пустыне. И, подобно верблюдице, только пройдя через испытания, человек может вернуться в свой «рай».

Герой романа – геодезист, который измеряет ландшафт для дороги, ведущей в никуда. Это авторская метафора бренности жизни. Дорога у каждого своя и своя судьба. Только внутренние ориентиры, по мнению Иличевского, помогают человеку в явленном окружающем ландшафте найти свои собственные смыслы пути и жизни.

Ориентиры героя А. Иличевского в «Исландии» – звезды, лай собак бедуинов и «огоньки лампад, вечно горящих в монастыре» [Иличевский 2021: 165]. Свет звезд – ориентир, ведущий через моря и пустыню с давних времен. Лай собак символизирует присутствие людей, жилища. Благодаря этому образу появляется ориентир пристанища в пути, что важно герою, который признается: *«я не слишком могу выносить полное одиночество, особенно погружённое в такую загадочную линзу, как пустыня»* [6 Иличевский, 157]. А огоньки лампад источают свет в ночи для заблудших душ.

С пустыней связан и мотив соли, которая удерживает воду и позволяет сохранить жизнь и не умереть от жажды. Соль выступает антитезой живой воде, но при смешении одного с другим человек получает надежду на выживание. Соленая вода связана и с образом морской пустыни – безбрежного простора Каспийского моря в воспоминаниях героя.

В романе возникает образ корабля, на котором волшебным образом сбываются самые заветные желания пассажиров, и они бросаются в воду, а на судне остается лишь один капитан. Таким образом, море и его антитеза – суша – в сознании героя обретают общие пространственные черты и акценты: простор, безлюдье, стихия, которую преодолеть сможет духовно сильный человек.

Важен и временной план образа. Пустыня – пространство с остановившимся или застывшим временем:

«Особость времени. Ничто в пустыне не происходит быстро, кроме склонения солнца за небозём. Здесь вы вязнете в секундах, минутах, часах — как муха в застывающем янтаре, обращаясь наступающей неподвижностью к вечности» [6 Иличевский, 191].

Когда время почти останавливается, появляется возможность заглянуть внутрь себя (см. мотив тишины – молчания – исихазма):

«Вереницы туристических групп и цепочки джипов, испытывающих собственную проходимость, — это достояние пустыни по выходным дням. В будни пустыня совершенно, до галлюцинаций пуста, и только я её населял, таскаясь со своим спутниковым навигатором по холмам, между которыми в будущем должна была пройти дорога, и о конечном пункте назначения её не знали даже сами проектировщики». [6 Иличевский, 157]

«Расплавленное жаром стекло марева словно бы делает камни полупрозрачными» [6 Иличевский, 190-191].

«Солнечный ветер — предвестие оптически странной зимы, во время которой солнце смежает веки лишь на день, на два, а в остальное время чаща горных склонов наполнена куполом просеянного сквозь толщу прозрачности света, приближающего с удивительной пристальностью обрывы и склоны, обведённые витками дорог, слепящие маковки монастыря, окна и крыши, и вот снова ветер вздыхает, дует на свечи кипарисов, наполняя и обшаривая парусные кроны сосен» [6 Иличевский, 121].

Странничество героя в поисках «голубой верблюдицы» приводит его к двум незнакомцам, которых он для себя обозначает как Пристяжной и Коренной (Абдулла). В сознании героя рождается образ «русской тройки»: коренной конь - это Абдулла, с ним два пристяжных - это спутник Абдуллы и присоединившийся к ним Михаил. В этот момент пустыня кажется герою страшнее встреченных незнакомцев, но уже к вечеру Михаил оказывается в смертельной опасности. Подобно платоновским узникам пещеры он становится пленником иллюзии. Спутники избивают его и планируют использовать как приманку для привлечения и поимки «голубой верблюдицы». И «русская тройка» исчезает: Михаилу отводится роль выючного осла. И в этот момент герой из реального ландшафта пустыни перемещается в пространство снов с яркими образами корабля, плывущего по небу, прадеда-капитана. Он должен упасть в пропасть Дарги, но некой невиданной силой выталкивается обратно. Видения заканчиваются встречей с верблюдицей, которая вдруг «упорхнула в небо» и оставила свой груз – древние свитки. Это так поражает спутников Михаила, что они возвращают ему часы прадеда и деньги, отдают свитки, и герой чудесным образом возвращается в Иерусалим.

Таким образом, можно сделать вывод об особой роли пространства в романе «Исландия»: оно является смысло- и сюжетообразующим, животворящим и активно участвует в жизни героя. Михаил, перемещаясь в пространстве, ищет место, которое откроет ему его самого.

Поиски «голубой верблюдицы» для Михаила – это блуждание в пустыне в поисках рукописей, спрятанных или пропавших из монастырей. Монастырская обитель в романе – это пространственная доминанта. Она надежное хранилище (в монастырских библиотеках много ценных книг, рукописей) сведений об истории человечества, события которой запечатлены в древних манускриптах. А еще она – оплот веры и надежный ориентир странникам пустыни.

Путь через пустыню как отрыв от обыденности, привычного мира, как преодоление себя, пережитого страха смерти позволяет герою возродиться духовно, обрести опору и понимание значения человеческой жизни. При этом в романах А. Иличевского «Исландия», «Чертеж Ньютона», «Перс» пустынные пространства противопоставлены городским, но именно в последнем романе автора пустыня открывает герою самого себя, становится местом поиска смыслов человеческой жизни.

Список использованных источников

1. Из переписки М.М. Бахтина с В.Н. Турбиным (1962—1966) //Знамя. 2005. №7. С.113-161. То же URL : <https://magazines.gorky.media/znamia/2005/7/iz-perepiski-m-m>

bahtina-s-v-n-turbiny-1962-8212-1966.html?ysclid=lt6fdqh0u5162589944 (дата обращения: 28.02.2024)

2. Иличевский А. Исландия. М. : Альпина нон-фикшн, 2021. 310 с.
3. Иличевский А. Перс // Солдаты Апшеронского полка. М.: АСТ, 2013. С. 225-726.
4. Тютелова Л.Г., Сидоренко Л.С. Роль городского пространства романа А. Иличевского «Чертеж Ньютона» // Семиотические исследования. 2023. Т. 3. № 4. С. 48-56.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ.

Т.А. Сошникова

Научный руководитель М.Г. Резниченко

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

«Без ценностного подхода не может
существовать общество»
В.П. Тугаринов

Аксиологические аспекты воспитательной работы преподавателя занимают центральное место в образовательном процессе, поскольку воспитание неразрывно связано с передачей ценностей и формированием мировоззрения обучающихся. В современном обществе, где столкновение различных ценностных систем становится все более очевидным, роль преподавателя как носителя и транслятора позитивных ценностей приобретает особую значимость. Воспитательная работа преподавателя играет ключевую роль в формировании личности обучающихся, их ценностных ориентаций и жизненных установок. Воспитание – это не только передача знаний, но и процесс влияния на мировоззрение, моральные принципы, этическое поведение. Аксиология - это наука о ценностях, которая исследует систему ценностных ориентиров человека, что делает её особенно важной в контексте воспитательной деятельности. Аксиология изучает ценности как основу человеческого существования и взаимодействия. Ценности определяют поведение человека, его выбор, приоритеты и отношение к окружающему миру. В воспитательной работе преподавателя аксиологический аспект выражается в передаче этих ценностей через личный пример, учебный процесс и внеучебные мероприятия.

Для обозначения теории ценностей в своих работах, французский философ П. Лапи в 1902 году вводит термин аксиология (от греч. *axiōs* — ценный). Аксиология обуславливалась, как «учение о ценностях» - «философская концепция универсальных основ, характеризующих нацеленность человеческой деятельности, мотивацию и осмысленность поступков».

В отечественной педагогике проблема осмысления ценностей в воспитании и обучении становится актуальной только в начале 2000-х годов. Идеи ценностного отношения можно найти в работах таких учёных, как Б. М. Бим-Бада, П. Ф. Коптерева, А. С. Макаренко, В.А. Слостенкина, В. А. Сухомлинского, К. Д. Ушинского и других мыслителей.

Выдающийся педагог и общественный деятель В. А. Сухомлинский уделял большое внимание аксиологическим аспектам воспитания. В своих трудах он рассматривал воспитание, как процесс формирования не только знаний и умений, но и духовных ценностей. Его концепция воспитания охватывала такие важные ценности, как уважение к человеку, любовь к Родине, честность, справедливость, ответственность и трудолюбие. В.А. Сухомлинский считал, что ключевыми целями воспитания должны быть развитие